

Этнонаркологическая превентология

СИДОРОВ П.И.

академик РАМН, д.м.н., профессор, ректор Северного государственного медицинского университета, Архангельск

Эффективная результативность наркологической превентологии сегодня невозможна без учета этнических и культуральных региональных особенностей населяющих Россию этносов и народностей. Раздел, изучающий данное направление, называется «этнонаркологической превентологией». В статье разбираются особенности алкоголизации и клинического патоморфоза алкоголизма у некоторых этносов с учетом биохимических механизмов детоксикации алкоголя, особенностей питания, образа жизни, культурных традиций и обычаев. На примере жителей Европейского Севера рассматривается модель создания этноэкологического парка (ЭЭП) с целью сохранения оптимальных внутри- и межпопуляционных взаимоотношений, и в том числе — решения задач этнонаркологической превентологии.

Этнонаркология является одним из новых научных направлений, развивающихся на стыке естественных и гуманитарных дисциплин. Определение предмета и задач этнонаркологии тесно связано с пониманием народной медицины как предмета этнографических исследований вообще. Комплексный подход к изучению народной медицины позволяет нам определить этнонаркологию как зону сотрудничества этнографии, фольклористики, религиоведения, антропологии, социобиологии и психологии, с одной стороны, и социальной, клинической и токсикологической наркологии, с другой стороны.

Поскольку социальное поведение представляет собой результат сложного взаимодействия между генотипом и окружающей средой в процессе онтогенетической и культуральной эволюции, очевиден мультидисциплинарный подход в изучении проблем личности [6,8, 10,11,12,17,36]. Соответственно, этнонаркологию можно рассматривать как раздел этнопсихиатрии, изучающий традиционные алкогольные и наркотические средства, рецепты их приготовления и формы употребления в обрядах и обычаях у разных народов, а также медико-социальные осложнения и последствия употребления психоактивных веществ (ПАВ) в соответствии с этногеографическими особенностями адаптации. Рассмотрение народной медицины в качестве составной части всей системы традиционно-бытовой культуры этноса (Бромлей Д. В., Воронов Л. А., 1976) представляет собой ключ к осмыслению феноменов этнопсихиатрии и этнонаркологии.

В настоящее время можно выделить 5 основных направлений этнонаркологических исследований:

- 1) транскультуральная наркология, изучающая формы и способы наркотизации и алкоголизации в связи с социальными и этнокультуральными формами;
- 2) кросскультуральная наркология, изучающая сравнимые аспекты наркотизма и алкоголизма в различных культурах;
- 3) изучение культурально обусловленных расстройств, встречающихся в рамках определенной этнической группы;
- 4) «народная психиатрия» и народные методы лечения наркотическими и алкогольсодержащими средствами психических и нервных заболеваний как раздел описательной этнографии и истории медицины;
- 5) социально-наркологические аспекты культуры (изучение роли отдельных форм психопатологии и наркотизма в традиционной культуре, религиозных обрядах, магии, шаманстве, оккультизме, установлении форм взаимосвязи медико-биологического и этносоциального аспектов в духовной культуре народов, сфере психологии творчества и т. д.).

Выделение названных направлений условно, оно лишь помогает нам уяснить предмет этнонаркологии.

Так, в работах Б. Г. Бартон-Бредли (1983), Н. М. Жарикова и Е. Д. Соколовой [9] встречается объединение понятий транс- и кросскультуральной психиатрии; в ряде случаев транскультуральная психиатрия рассматривается как синоним этнопсихиатрии и т. д. На наш взгляд, единственно принципиальными в разработке этнопсихиатрии (и ее раздела этнонаркологии) как научной дисциплины являются 2 момента: а) понимание природы этнонаркологических феноменов как явлений древней культуры, религии и народной медицины; б) осознание единства хозяйственно-культурального типа и образа жизни, морфофункциональной почвы и социально-психологической характеристики этнической группы, отражающихся в традиционных способах наркотизации и алкоголизации. Семке В.Я., Миневиц В.Б. и Галактионов О.К. в своих сообщениях подчеркивают, что этнопсихиатрия и этнонаркология предусматривают широкое видение проблем, включая системные теоретические и полевые исследования в аспектах соотношения природного и культурального (ген и культура), нормы и патологии с учетом психофизиологической адаптации разных географических и исторических этносов [6, 17,18,20,21,22]. Наиболее наглядный для наркологов пример — потребление каннабинолов и листьев коки в некоторых традиционных обществах, где этот тип наркомании с позиций европейской психиатрии считается нормативным обычаем.

Историко-культуральные аспекты этнонаркологии

Исторические источники, материалы археологии и этнографии [4; Сое М. Д., 1978, и др.] свидетельствуют, что наркотические средства и алкогольные напитки широко использовались всеми народами с древнейших времен и играли исключительно важную роль в мифологии и обрядности, в семиотической системе соответствующих традиций некоторых культур.

В историческом обзоре Т.И. Ульянкина [23] приводит описанные Геродотом (V в. до н. э.) ритуальные обычаи скифского племени массагетов (северное побережье Каспийского моря) опьянения вдыханием дыма при сжигании плодов растений.

Медицинские аспекты применения ПАВ имеют очень древнюю историю и тесно переплетены с этнографическими исследованиями. Известно о сборе и медицинском использовании опиума (сока маковых головок) в Египте с VII в. до н. э. [цит. по 23]. В трудах Гиппократ, датированных 440—377 гг. до н. э., как указывает Т.И. Ульянкина, сообщается о лекарственных свойствах (с наркотическим действием) «меконины», у Теофраста (около 350 г. до н. э.) — о млечном маковом соке. Абу Али ибн Сина (980—1037) рекомендовал опиум при диарее и болезнях глаз.

Кроме обезболивающего, известны и другие эффекты опиума. Так, Альбрехт Галер (1708 — 1777) — философ, врач и поэт — отмечал антидепрессивное действие опиума.

Парадоксальный антидепрессивный эффект опиумного препарата описал Ганди (1791 г.).

Говоря о медицинских аспектах наркотизации, отметим, что эффект обезболивания после принятия наркотика был, вероятно, открыт в глубокой древности, по мнению А.А. Бородатовой [4], еще в эпоху мезолита, которым в Европе датируются первые погребения с трепанированными черепами. В пользу этого свидетельствуют и находки так называемых наркотических клизм в захоронениях с трепанированными черепами в Перу (Nordenskiöld E., 1980).

Одними из наиболее ранних являются находки, раскрывающие особенности наркотизации и алкоголизации у древних племен майя и ацтеков (Ravicz R., 1901; Wasson R. O., 1966, и др.). В этнографической литературе можно найти красочные описания ритуалов, в которых использовались наркотики и спиртные напитки (Caso A., 1963; Duran D., 1964, и др.). Так, наиболее сильным из употребляемых наркотиков у ацтеков был «божественный гриб» — теонакатль (буквально: «мясо богов»), используемый в определенных обрядах всеми слоями ацтекского общества. Например, во время церемонии коронации правителей все приглашенные на праздник ночью при свете факелов наедались сырых священных грибов с медом и становились «возбужденными и полными удовольствия», «пели и танцевали, потеряв разум». В видениях им раскрывалось будущее, являлись божественные откровения, «дьявол говорил с ними в их безумии». Ацтекская знать собиралась, кроме того, и на ежегодную «грибную церемонию», так называемый праздник откровений (Tezozomoc H.A., 1965).

Среди ученых-этнографов (Топоров В. Н., 1979) распространено мнение, что использование сильных наркотиков-галлюциногенов, в отличие от общедоступных алкогольных напитков, всегда было связано с рядом существенных ограничений для не посвященных в жреческие таинства членов общества. Однако регламентация приема как наркотиков, так и алкогольных средств у ацтеков была связана не только и не столько с культовыми запретами, а скорее с необходимостью соблюдения социальной дисциплины. Прием любых психотропных средств — наркотиков и алкоголя — всегда был ритуализирован в жесткой системе обычаев и традиций. В то же время обязательное массовое алкогольное опьянение во время ежегодных праздников и состояние массовой наркотизации во время «грибных церемоний» у ацтеков «обосновывалось необходимостью релаксации» [4]. Наркотизация майя и ацтеков настойками из грибов в основном осуществлялась способом ректального введения клизмами. У майя полуострова Юкатан в XVI в. употребление населением алкогольного напитка балче специально предписывалось жрецами, и в праздники индейцы напивались до бесчувствия (Ланда Д., 1955). Это вино майя делали из настаиваемой коры определенных деревьев и ферментированного меда. Алкоголизация обосновывалась и якобы сильными лекарственными свойствами балче (Кнорозов Ю.В., 1963; Кинжалов Р. В., 1971). Иными словами, прием любых психотропных средств, помимо тех ситуаций, когда он был обязателен, не возбранялся до тех пор, пока не начинал угрожать нормальному функционированию общества, нуждавшегося в четком проведении земледельческого цикла, соблюдении военной дисциплины и т. д. Ограничение поводов и времени приема ПАВ в группах служителей культа, шаманов и прорицателей, постоянно прибегавших к наркотикам, было продиктовано характером обрядов, тогда как для остальных членов общества прежде всего — необходимостью поддержания общественного порядка.

Алкоголизм и наркомания рассматриваются в некоторых традиционных культурах как следствие внедрения духов. Так, например, известны шаманские ритуалы у хмонгов (наблюдения проводились в лагере беженцев в Таиланде), в процессе которых происходит изгнание «богини опия» у опийных наркоманов (Jilek W., Jilek-Aall, 19W). Такого рода верования и методы коррекции в некоторых районах Юго-Восточной Азии (Полинезии) находят отражение в структуре центров по лечению алкоголизма и наркомании, в которых функционируют одновременно отделения западной и традиционной медицины.

И в наши дни в отдаленных горных селениях Мексики и Гватемалы индейские шаманы, лекари и колдуны считают наркотики и алкоголь необходимыми средствами для связи с миром сверхъестественных сил и употребляют их в различных ритуалах. Популярность растительных наркотических средств (маленький неколючий кактус «пейотль», семена некоторых видов вьюнов; грибы из семейства Psilocybe, Strophana, Conocybe, Panacolus, содержащих активные алкалоиды мескалин, эргин, псилоцибин и др.) такова, что, несмотря на запрет католической церкви, их продолжают и до настоящего времени использовать в древних обрядах, восходящих к доиспанской эпохе. Грибы-галлюциногены продаются на всех базарах, а нередко и на лотках под сенью католических храмов (Guerre F., 1971; Fursit P., 1972, и др.).

Увеличивающаяся распространенность наркомании в современном мире проявляется и в расширении географии злоупотребления грибами-галлюциногенами. Случаи распространения среди индейцев Центральной Америки и малых народностей Крайнего Севера злоупотребления грибами, содержащими психомиметики, встречаются в странах Европы все чаще. Так, С. Нуде и соавт. [29] описали 3 клинических случая злоупотребления произрастающими в Великобритании грибами *Psilocybe semilanceata*. В первом случае неоднократное употребление этих грибов 20-летним молодым человеком для достижения эйфории вызвало у него 5-дневный психоподобный психоз с выраженными кататоническими нарушениями на фоне симптоматических проявлений. При этом в анамнезе у него, кроме тяги к наркотикам, не наблюдалось никаких психических нарушений. Во втором случае у мужчины 27 лет, никогда ранее не прибегавшего к наркотикам, после разового употребления этих грибов возник непродолжительный острый делириозный эпизод. В третьем случае у молодого студента после того, как он съел около 25 грибов, развилось состояние, напоминавшее таковое при приеме LSD, которое продолжалось несколько часов. Представляет интерес тот факт, что и среди малых народностей Крайнего Севера в России традиционные способы наркотизации также были связаны с приемом настоек из грибов *per os*.

Приведенные исследования иллюстрируют тесную связь и преемственность исторических традиций и современных проблем в этнонаркологии, отражая необходимость комплексного междисциплинарного подхода к изучению транскультуральных форм наркотизации.

Одним из первых опытов «синтеза» психиатрических и этнографических исследований были работы З. Фрейда в начале нашего века. Представляя собой не всегда успешную, но показательную попытку междисциплинарных исследований, они, как и работы Л. Леви-Брюля о первобытном мышлении, дали толчок для последующих изысканий.

В России публикации по этнопсихиатрической и этнонаркологической тематике появляются также в конце XIX начале XX вв. В первую очередь, они касались «Изучения шаманства и шаманской болезни», будучи построенными на материалах этнографии якутов (Виташевский Н. Л.,

1890 г.) и ряда других тюркоязычных народов Сибири. Атрибутом шаманства являются различные способы наркотизации для «связи с духами». В 1920 — 1930 гг. этнопсихиатрическая тематика разрабатывалась в работах А. В. Анохина (1929 г.), Н. П. Дыренковой (1930 г.), Г. Ф. Ксенофонтова (1923, 1929, 1931 гг.), С. И. Мицкевича (1929 г.) и некоторых других. В послевоенные годы следует отметить исследования А. А. Попова (1947 г.) о получении «шаманского дара» у вилуйских якутов, клинически проявляющегося картиной острого психоза.

Одной из первых крупных обобщающих монографий по этнопсихиатрическим вопросам является книга С.П. Давиденкова «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии», увидевшая свет еще в 1947 г., остающаяся в настоящее время значительным опытом осмысления связи некоторых форм психической патологии со спецификой мировосприятия различных этносов на разных стадиях развития общества. Ряд новых важных положений, касающихся развития основных направлений этнопсихиатрических исследований, был сформулирован в монографии американского психолога Дж. Джейнза «Происхождение сознания благодаря ломке двухчастного ума» (1976 г.), чьи выводы активно использовали в наше время не только психиатры (Жариков П. М., Соколова Е.Д., 1982 г.; Соколова Е. Д., Аршавский В. В., 1982 г.), но и ученые гуманитарного профиля (Иванов Вяч. Вс., 1980 г.).

К сожалению, плохое знание русскоязычной научной литературы привело некоторых зарубежных авторов к ошибочному выводу об отсутствии этнопсихиатрических и этнонаркологических исследований в России и в СССР (Transcultural psychiatry, Boston, 1965 г.), между тем как они велись практически на протяжении всего периода существования этнопсихиатрии, начиная с первых десятилетий истории междисциплинарных исследований.

Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриевой, Х.М. Мухомедзяновым [13] проводилось исследование алкогольного поведения у сибирских татар. У части этого этноса широко распространены анималистическое мировоззрение и ориентированность на шаманское понимание природы болезни с убеждением в том, что болезни вызывают злые духи, вселившиеся в человека. Возникающие в этот период приступы отрешенности характеризуются внутренними диалогами, в момент которых пациенты в задумчивой позе общаются с кем-то, реально отсутствующим. Эти внутренние диалоги прослеживались по мимическим компонентам, которые проявлялись движением губ, произношением вслух непонятных междометий и слов, выражением глаз, означающим презрительное высокомерие. Согласно мифологии сибирских татар, в некоторых злостных пьяниц вселяется лукавый бес (шайтан), который любит выпить водки (араки), особенно если угощают соплеменники его хозяина, в которого вселился этот бес. Само по себе угощение, которое уготовано злему духу, выступает как жертвоприношение миру духов. В том случае, когда носителю духа отказано в просьбе, возможны несчастья не только в виде посылаемых болезней, но и такие, как падеж скота, засухи, плохие урожаи, неудачные охоты.

Наблюдались случаи, когда лица с алкогольной зависимостью, несмотря на имеющееся у них в наличии спиртное, ходили по деревням и просили выпивку, чтобы успокоить внутреннюю жажду общения (по мифологии сибирских татар шайтан любит поговорить с людьми и делает это через выпивку). Если их угощали алкоголем, то они могли предъявлять требования, не укладывающиеся в принятые культурные нормы, например, проявлять сексуальный интерес к жене угостившего их хозяина.

Значительный объем знаний по этнонаркологии накоплен при изучении алкоголизации и алкогользависимо-

го поведения у жителей русского, европейского и дальневосточного Севера. Например, исследуя роль культуральных факторов в алкоголизации поморов в XIX — нач. XX вв., Р.В. Боднарук с соавт.[3] отмечают, что русский этнос, в отличие от кочевых народов, вел в целом оседлый образ жизни. Его традиционное мировосприятие, основанное на принципах этноцентризма и статичного существования, утверждало прежде всего ценности микрокосма, т.е. освоенного культурного пространства. В универсальной оппозиции «внутренний / внешний» ключевой категорией являлся дом. «Космически» организованному миру живых противопоставлялся мир небытия, хаоса.

В христианской традиции одной из главных характеристик хаоса является связь его с водной стихией. Морские воды представляют собой воплощение Хаоса, остаток бездны на земле. Море — это сакральное пространство, где происходит испытание, поединок. Мореход всегда отправляется в смертельно опасный путь... (Теребихин Н.И., 1993 г.). Географическое положение Поморья в таком случае следует считать маргинальным, т.е. находящимся на границе русского православного мира и мира потустороннего.

Н.М. Теребихин (1993 г.) обратил внимание на то, что издавна в этническом сознании европейских народов локализация «царства мертвых» связывалась с Севером, с областью полярной ночи и безжизненного холода. В Поморье считалось, что «от Колы до ада всего только три версты». Мурманский берег в представлении образованных современников был краем «нищеты, скорби, мороза и бездорожья», а в народе о нем говорили: «с одной стороны море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох». Жители края пользовались у соседей дурной репутацией: «В Коле мужика убить, что крынку молока испить»; женщины же отличались исключительной «свободой нравов».

Отъезд за море в народном сознании зачастую ассоциировался с гибелью путешественника. В петровскую эпоху жены молодых людей, отправленных за море, заходя облачались в траур. Что же касается Русского Севера, то эти представления подкреплялись ежегодными известиями о погибших в кораблекрушениях и умерших от болезней промышленниках, так что выход за границы освоенной, сакральной территории считался ритуально опасным и требовал «особого поведения». Отправляясь в путь, человек терял всякий статус и принадлежал уже не к обществу людей, а к «иному миру», в котором не действовали традиционные культурные нормы. Поведение странника в «антимире» строилось в соответствии с символической «оборотности» и являлось, по терминологии Б.А. Успенского, «антиповедением». Именно в контексте «антиповедения» можно рассматривать традицию потребления алкоголя поморами на Мурманских промыслах. Более того, тщательный анализ исторических источников позволяет нам сделать вывод, что асоциальное поведение поморов главным образом проявлялось в форме злоупотребления алкоголем (пьянства) и его последствий.

Традиционная система будней и праздников, формирующая поморский народный календарь, была одним из факторов, определяющих социально значимые формы поведения и всю жизнедеятельность поморов-промышленников в течение года. Помимо употребления спиртного в календарные праздники, у поморов сложилась особая система алкогольных обычаев, т.е. определенных устойчивых, общепринятых и практически значимых форм употребления алкоголя, входящих в систему некодифицированных норм социального поведения, связанных со спецификой их хозяйственно-промысловой деятельности (строительством судов, подготовкой снастей, морскими промыслами).

При постройке судна будущий владелец его должен был, помимо заранее оговоренной оплаты, «поставить

угощение» работникам: «обкладно» — при закладке судна; «коргово» — при установке носа; «тулочно» — при обшивке; «мачтово» — при укреплении мачты, и «спусково» или «спускно» — при спуске на воду. На каждом этапе строительства судна щедрый и состоятельный хозяин «водочки не жалеет и подносит до трех ведер на 20-25 человек».

Прежде чем отбыть на промыслы, артельщикам следовало «заручиться хозяином». При наряде покрута, т.е. заключении договора хозяина судна с будущими артельщиками, последним безвозмездно выдавался так называемый заручный или заливной полтинник. Факт его получения символизировал собой нерушимость договора. Функциональное назначение «полтинника» естественным образом определялось его названием. Форсированная алкоголизация в периоды встреч / расставаний («отвально-привально», «со свиданием», «за успех промыслов») была характерной чертой быта жителей Поморья.

Уход на время промыслов из-под контроля семьи и социально значимой микросреды, провоцируя различные девиации в поведении поморов, приобретал особо патогенное значение в алкоголизации этой группы населения. Согласно обычаям, присутствие на праздниках трезвого человека было нежелательным. Если же степень опьянения у кого-либо была недостаточной по сравнению с другими участниками праздника, то алкогольное опьянение зачастую индуцировалось или сознательно имитировалось: «С пьянством сжились, оно проникло во все мельчайшие уголки их жизни, оно привело их (поморов — прим. авт.) к такой логике: выпил мало, так шатайся, падай, чтобы люди подумали, что ты выпил «по-настоящему».

Приведенное ниже исследование выявляет значение социокультуральных факторов в возникновении и проявлении алкогольного поведения и подчеркивает необходимость выхода за рамки принятой биомедицинской трактовки динамики алкогольной аддикции у различных этносов.

Обследовано 8 респондентов с феноменом «овладения» злым духом. В их число вошли мужчины от 21 до 66 лет татарской национальности (барабинский этнос), злоупотребляющие алкоголем. Изученные состояния отличались своеобразием алкогольного поведения. Так, даже небольшие дозы алкоголя вызывали приступы психомоторного возбуждения, которые сопровождались агрессивными действиями. Наблюдались истерические формы поведения с плачем, вычурными позами, с последующей амнезией. Для культуры барабинского этноса характерны обостренное чувство вины и страх в случаях нарушения принятых норм и запретов, что приводит к дезорганизованному и антисоциальному поведению. Окружающие неоднозначно (амбивалентно) оценивают происходящее. Их непосредственная оценка связана со знанием внутреннего содержания переживаний выпивших. С другой стороны, алкогольное поведение не только не осуждается, но в большей степени вызывает страх и растерянность перед человеком, в которого вселился злой дух. Связь с миром духов может привести к изоляции такого человека от социокультуральной среды, так как у окружающих возникает скрытое отчуждение при внешнем соблюдении приличий (дружеская улыбка, подобострастие), они испытывают страх и желание как можно быстрее прекратить опасное общение. С этой целью окружающие стараются немедленно удовлетворить желание пациента выпить. Таким образом, социальная среда может не только сдерживать употребление алкоголя, но и стимулировать выпивку в связи со стремлением избавиться от неприятного общения со злым духом посредством предложения ему алкоголя. Вместе с тем выпивающий не отвергается сообществом, как в других культурах, а является посредником с миром духов, и эта его особенность имеет специальное

значение, символизируя соучастие в двух формах реальности.

Одной из давно обозначенных, но и доныне актуальных проблем этнонаркологии является «алкогольное поражение» (или давление в лучшем случае) современной западной цивилизацией коренного населения Африки, Америки, территорий крайнего Севера и других частей света, где знакомство малых народностей со спиртными напитками было спровоцировано чужеземной цивилизацией.

Алкоголизация очень быстро из средства установления межличностных отношений и торговли трансформировалась в орудие колониального гнета. Блестящая характеристика колонизаторской политики имеется в работе англичанина Керра: «Мы, англичане, — писал он, — наилучшие в свете колонизаторы, но к стыду своему должны сознаться, что наш триумфальный марш по земному шару оставлял по себе след позора и проклятия в виде алкогольного пьянства, разрушения и смерти. Деморализация и искоренение туземных рас, вызванная нами в них привычкой пьянствовать, является нам всегдашним укором как народу и бесчестием как просвещенной нации» (цит. по Гуксян А. Г. [7]).

М. Н. Chafetz (1962 г.) отмечает, что у племен, находящихся на низком уровне развития, отношение к алкоголю изменилось со временем. Так, североамериканские индейцы племени салиш ранее пили во время своего ритуального праздника. После же знакомства с «цивилизацией» они пьют «по всякому поводу и без повода». Пьянство сопровождается агрессивным поведением. Тот, кто способен достать спиртное, в особенности фабричного производства, пользуется особым уважением. Представители другого племени (мохава) пьют только на вечеринках и танцах, причем умеренно, алкоголизма не наблюдается, драк и скандалов не бывает, поскольку все это осуждается племенем, у которого высоко развит культ мужского достоинства и которое строго соблюдает племенные уклады. Анализируя широкое распространение алкоголя среди индейцев и метисов республик Южной Америки, автор приходит к выводу, что алкоголизм встречается у них все же редко, и объясняется это тем, что пьют здесь для «увеселения», а не для того, чтобы отвлечься от невзгод. Эту точку зрения поддерживает В. Stimmel (1984 г.), показавший, что там, где применение алкоголя у расовых меньшинств связано с приемом пищи или ритуалами, но не является способом ухода от забот, где осуждаются поступки, совершенные в опьянении, распространенность алкоголизма невелика.

Только стирание внутренних нравственно-ценностных культуральных традиций приводит к асоциальному поведению и вырождению.

D. Norton (1943 г.) приводит данные Йельского университета о жизни различных 118 сообществ в Азии, Африке и Америке: 13% из них имели контакты с цивилизацией, 20% не знали алкоголя в силу неумения приготовить его или племенного и религиозного запретов. В остальных случаях алкоголь употреблялся периодически коллективно, в больших количествах до состояния тяжелого опьянения, которое сопровождалось агрессивным поведением и сексуальной расторможенностью. Хроническое коллективное пьянство и индивидуальный алкоголизм наблюдались преимущественно в тех обществах, которые установили связи с «цивилизацией». В известной степени это подтверждается данными о распространении алкогольных психозов среди больных госпиталя Indian Health Services hospital system (1982 г.), которая в 4 раза выше, чем для населения США в целом (11,8 против 2,9 на 100 тыс. населения). Количество случаев алкогольного поражения печени среди индейского населения также больше в 3,4 раза (6,4 против 1,9 на 100 тыс. населения), а больных

алкоголизмом в 2 раза больше (35,8 против 19,7 на 100 тыс. населения), чем среди населения США в целом.

J. W. Welte, G. M. Barnes [39], изучая употребление алкоголя и наркотиков 27 335 учащимися 13-18 лет штата Нью-Йорк, выделили расово-этнические группы белых, представителей восточных народов, американских индейцев, негров, западных индейцев, испанцев. Оказалось, что тяжелое пьянство и употребление наркотиков наиболее распространены среди американских индейцев, хотя по частоте любого употребления алкоголя они занимают 2-е место после белых (73 и 76% обследованных подростков соответственно). Негры реже, чем белые и испанцы, употребляют алкоголь и наркотики. У восточных народов при небольшой общей распространенности лиц, употребляющих алкоголь (45%), значительная доля «тяжелых пьяниц» приходилась на мужчин, в то время как женщины пили очень мало; разрыв в количестве потребляемого алкоголя между полами в этой группе был наибольший, а среди белых — наименьший.

Как справедливо отмечает Э. Е. Бехтель [1], вторжение чужой цивилизации сопровождается обесцениванием моральных норм, обычаев, привычек. Обесцениваются и многие запреты (табу), которые, собственно, и являются частью культуры.

Интересные результаты даёт исторический анализ в этнонаркологии, например, при изучении алкоголизации американских индейцев. Издавна во всех колониях индейцев в США существовал запрет на продажу алкоголя населению, т.к. была обнаружена их «физическая слабость» к алкоголю. В 1832 г. Конгресс США принял закон, по которому этот запрет распространялся на всех американских индейцев. Закон отменили в 1953 г., когда каждому племени было дано право самостоятельно регулировать торговлю спиртным в своей резервации. К концу 1974 г. 31,4% резерваций легализовали продажу алкоголя. Обследовав индейцев резервации Новайо, где действовал запрет на продажу алкоголя, Р. А. Мау, М. В. Смит [33] обнаружили «проблемное пьянство» у 17%, постоянное употребление спиртного — у 52%. При этом каждый второй из обследованных имел членов семьи или друзей с алкогольными проблемами. Несмотря на очевидную неэффективность формальных запретов, 81% опрошенных индейцев высказались против легализации продажи алкоголя в резервациях.

Сведений о быстром и массовом возрастании уровня потребления спиртных напитков и проблем, связанных с пьянством, среди коренного индейского населения имеется много. В некоторых странах ситуация стала настолько тревожной, что потребовала принятия контрмер. В большинстве случаев эти меры предпринимались представителями чужеземных культур (миссионерами, функционерами из административных властей), в других — дело брала в свои руки местная община. Обычно старались дифференцированно регулировать потребление алкоголя европейским и местным населением, так как последнее, как считается, не способно контролировать прием алкоголя и поведение в состоянии опьянения.

В настоящее время ситуация во многих развивающихся странах осложнилась быстрым развитием собственной алкогольной промышленности, использующей современные технологии и оборудование. Легкость изготовления спиртных напитков, прогрессивное развитие товарно-денежных отношений, распад патриархальной общины в значительной степени способствовали изменению интенсивности алкоголизации и типов пьянства.

В литературе достаточно подробно описаны особенности алкогольных обычаев и клиники алкоголизма у таких этнических сообществ, как ирландцы (Bales R.J., 1946 г.), евреи (Glad D. D., 1947 г.), итальянцы (Mastrangelo G.,

1970 г.), негры (Larkins J. R., 1965 г.; Vitol M. M., 1968 г.), американские индейцы (Swanson D. W. et al., 1971 г.), французы (Fleck L., 1970 г.), шведы (Hermer T., 1972 г.), полинезийцы [40], индусы [37].

Для многих сообществ подчеркивается также и регулирующая роль экономических факторов в темпах изменения алкоголизации. J. Lereboullet и соавт. (1957 г.) указывали, что пьянство по субботним и воскресным дням в англосаксонских странах и ежедневное употребление вина во Франции, Италии, Испании, Чили, Аргентине и Бразилии связаны с традициями и наличием напитков различной крепости. Во Франции алкоголь употребляется повсеместно благодаря своей дешевизне, так что ежедневное потребление вина доходит нередко до 3 л. Легкое опьянение у французов, замечает Е. М. Jellinek, не считается позорным. Широкое распространение бытового пьянства в Португалии в значительной мере связано с дороговизной мяса и одновременно — с низкими ценами на вино.

Анализ причин пьянства у группы афроамериканцев показал, что значительный вклад в развитие пьянства вносят проблемы воспитания. J. Rolbuck и R. Johnson (1962 г.) установили, что большинство из обследованных пьяниц воспитывалось в атмосфере суровости, создаваемой жестокими властолюбивыми отцами. Авторы приходят к выводу, что главным фактором алкоголизации выступает протест против родительского влияния, преобразованный в чувство враждебности к окружающим, выявляющееся в состоянии опьянения.

У евреев, отмечают R. F. Bales (1946 г.), D. W. Heath (1975 г.), отношение к алкоголю раньше носило обрядовый характер и поэтому пьянство исключалось. Об этом же пишут и другие авторы, подчеркивая, что иудаизм, рассматривая вино как дар бога, запрещает его употребление в неритуальные дни.

В то же время у ирландцев пьянство не ограничивалось обрядовыми днями. С другой стороны, было показано, что пьянство у ирландцев стало «национальной чертой» в силу экономической отсталости и безземелья в Ирландии, находящейся длительное время под господством Англии. М. Е. Chafetz (1964 г.) пишет, что дополнительными факторами здесь являлись вытекающие из экономических условий семейные традиции: длительное ограничение прав сыновей, в частности возможности жениться, в то время как внебрачные половые отношения запрещались церковью. D. J. Walsh (1962 г.), указывая на наличие чрезмерного потребления алкоголя среди ирландцев, также связывает это с низким жизненным уровнем в Ирландии, борьбой с господством лендлордов, а также с протестом против «материнского влияния» в больших ирландских семьях и национальными характерологическими особенностями (возбудимость, конформность, склонность к фантазиям).

В России в настоящее время при изучении распространенности среди населения пьянства и алкоголизма отечественными исследователями большое внимание уделяется роли социально-средовых, в том числе и традиционно-культуральных, факторов в формировании отношения к спиртным напиткам (Морозов Г. В., 1979 г.; Качаев А. К., Ураков И. Г., 1979 г.; и др.). При этом отмечается, что наибольшая стабильность традиционного уклада жизни присуща сельскому населению, в связи с чем изучение влияния факторов этнонациональных традиций на отношение населения к употреблению спиртных напитков наиболее демонстративно на выборках сельской популяции (Ураков И. Г., 1979 г.). В то же время сочетание экономико-производственных и этнотрадиционных факторов, обуславливающих отношение отдельного индивидуума к спиртным напиткам, как свидетельствуют результа-

ты эпидемиологических исследований, неоднозначно не только для регионов с различными экономико-географическими и этнокультурными характеристиками, но и для различных групп популяции в рамках единого региона (Качаев А. К., Ураков И. Г., 1978 г.).

М. А. Хотияну (1981 г.) были проведены сравнительный анализ влияния ряда этнотрадиционных и социально-производственных факторов на формирование отношения к спиртным напиткам и сравнение различных типов потребления алкоголя среди репрезентативных выборок популяции сельских жителей одной из прибалтийских (I группа) и одной из среднеазиатских (II группа) республик. В рамках обследованной популяции каждой республики были выделены контингенты с эпизодическим употреблением спиртных напитков, с привычным их злоупотреблением (бытовое пьянство) и с признаками болезни (алкоголизм). Среди обследованного сельского населения среднеазиатской республики, занятого на сельскохозяйственных работах, у всех обследованных констатируется достаточно строгое соблюдение традиционного национального уклада жизни и отсутствие лиц с признаками бытового пьянства и хронического алкоголизма. Среди сельского населения прибалтийских республик соблюдение традиционного национального уклада также констатируется у всех обследованных, однако при этом у 13,2% выявлены признаки бытового пьянства и у 5,5% — хронического алкоголизма (у двух последних контингентов лиц следование национально-традиционному укладу жизни носило формальный внешний характер, не затрагивая всех сфер личной, семейной и производственной жизни).

Различного рода нарушения традиционного уклада жизни у обследованных лиц II группы вызывают достаточно выраженную реакцию осуждения со стороны окружающих и старших, наиболее почитаемых населением лиц, которую можно рассматривать как одну из форм социального контроля. Жесткое закрепление в национально-традиционном укладе жизни населения среднеазиатских республик негативного отношения к употреблению спиртных напитков и осуждение лиц, допускающих нарушение принятых норм поведения, обуславливают не только отсутствие у обследованных лиц случаев различных форм злоупотребления спиртными напитками, но и достаточно высокую долю абсолютных абстинентов среди определенных половозрастных групп (молодежь, женщины, старики). В закреплении антиалкогольных традиций и формировании трезвеннических установок большую роль играет отношение к ним не только самих обследованных, но и их ближайшего окружения. Так, среди обследованного населения прибалтийской республики в строго национальном окружении проживало 79,4% лиц, эпизодически употребляющих алкоголь; 66% с признаками бытового пьянства и 82,3% с признаками алкоголизма. Однако при этом соблюдение национально-традиционного уклада жизни окружением обследованных лиц с различными формами употребления спиртных напитков констатируется, соответственно, в 16,8; 9,9 и 23,5% случаев, в то время как для всех обследованных лиц в среднеазиатской республике характерно национальное окружение, в 60,8% случаев неукоснительно соблюдавшее национальные традиции и обычаи жизни ($P < 0,01$).

Таким образом, при оценке влияния национально-традиционных норм жизни на формирование отношения населения к спиртным напиткам необходимо принимать во внимание не только закрепленные в них антиалкогольные тенденции, но и учитывать распространенность, стабильность и последовательность их соблюдения большинством населения изучаемых регионов.

Биологические аспекты этнонаркологи

Наряду с традиционным укладом жизни и факторами культуры существенную роль в этнической специфике характера алкоголизации и ее эффектов могут играть такие особенности биологической конституции, как генетически детерминированная активность этанолокисляющих систем (Портнов В. А., 1979 г.).

Межиндивидуальные различия в действии алкоголя проявляются и в том, что лица разного этнического происхождения обнаруживают разную вазомоторную чувствительность к алкоголю, проявляющуюся, в частности, в гиперемии лица с ощущением прилива крови к лицу (флашинг-реакция) и повышением кожной температуры, иногда сопровождающимся чувством дискомфорта. Флашинг-реакция на алкоголь оказалась очень распространенной как среди американских индейцев (80%), так и среди американцев японского, китайского и корейского происхождения (83%), в то время как среди лиц европейского происхождения такая реакция отмечалась только в 5% случаев. Индейцы, сообщавшие, что они выпивают меньше 5 бутылок пива в неделю, реагировали статистически значимо более выраженной гиперемией лица, чем выпивающие более 10 бутылок в неделю.

Наиболее отчетливо неодинаковая реакция на алкоголь (скорость всасывания и метаболизма, вариабельность по АДГ и АльДГ, реакция покраснения лица и др.) обнаружена у монголоидов и европеоидов [34, 41]. Обобщая накопленные литературные данные, А. W. K. Chan [27] показал, что реакция покраснения лица после приема небольшой дозы алкоголя встречается у 3-29% европейцев и у 47-82% представителей восточных народов. В. Sanders и соавт. (1980 г.) по результатам обследования добровольцев сообщали, что мужчины восточного происхождения реагировали на небольшие дозы алкоголя учащением сердцебиения, понижением диастолического артериального давления (АДдиаст.), а также быстрым покраснением кожных покровов. У мужчин европейского происхождения в тех же условиях цвет кожи не изменялся, частота пульса и систолическое давление понижались. Прилив крови к лицу сопровождался ощущением силы, снятием усталости. При этом четкого влияния этнической принадлежности на настроение после принятия алкоголя выявлено не было.

Исследование распространенности флашинг-реакции у китайцев и японцев (68,6% мужчин и 41,9% женщин), проживающих в США, обнаружило, что она не способна выполнять роль надежной биологической защиты от алкоголя. Давление культуральных факторов существенно превосходило по субъективной значимости дискомфорт флашинг-реакции. Чрезмерное потребление алкоголя китайцами в Лос-Анджелесе было связано с влиянием пьющих друзей и традиционным посещением баров, ночных клубов, а также низким уровнем религиозности и слабыми семейными связями. Напротив, надежными ограничителями алкоголизации выступали специфические культурные нормы, предписывающие, в частности, употреблять алкоголь только за едой и одновременно принимать участие в играх на ловкость и координацию, что позволяло бы контролировать степень опьянения [31]. Если на этапе умеренного употребления алкоголя индивиды с флашинг-реакцией выпивают меньше и реже (Mori T., 1988 г.), то при чрезмерном его употреблении они могут оказаться более уязвимыми.

Эта гипотеза подтверждается современной тенденцией роста заболеваемости алкоголизмом китайского населения Гонконга при его отходе от традиционных форм рег-

ламентированного употребления спиртного и предпочтении напитков западного типа (бренди и пива). Ранее было распространено мнение о низком уровне алкоголизма среди китайцев, что связывалось с их пониженной толерантностью к алкоголю вследствие наличия почти у 90% атипичной АДГ и у 50% — недостатка одного из изоферментов АльДГ (Autkiewicz Н. J., 1987 г.).

Описаны два типа генетически детерминированной гиперемии после употребления алкоголя, связанные с чувствительностью к хлорпропамиду и ацетальдегиду (АЦА), которая чаще наблюдается у представителей восточных народов. Установлено, что у больных с хлорпропамидной гиперемией лица концентрация АЦА гораздо выше, чем у больных без такой реакции. Полагают, что хлорпропамид плазмы связан с уровнем АльДГ — фермента, катализирующего окисление АЦА. У японцев, китайцев и корейцев гиперемия, вызванная алкоголем, обусловлена изменением процесса окисления этанола, что приводит к увеличению уровня АЦА. Интолерантность к алкоголю объясняется сниженной активностью АльДГ. В организме человека его выявляют в виде четырех изоферментов (ИФ), различающихся величиной константы Михаэлиса (КМ) для АЦА, электрофоретической подвижностью и изоэлектрической точкой. Ранее было установлено, что в отличие от европейцев, для которых характерно единообразие картины распределения ИФ АльДГ, у жителей Азии довольно часто отсутствует один из ИФ, а именно — ИФ с более высокой электрофоретической подвижностью, названный АльДГ-1. При сравнительном исследовании здоровых добровольцев в Японии и Финляндии установлено, что у тех жителей Японии, у которых гиперемия обусловлена приемом алкоголя, одновременно увеличивалась частота сердечных сокращений (ЧСС), снижалось АД диаст., сопротивление периферических кровеносных сосудов падало. У жителей Японии, которым гиперемия не свойственна, и у лиц финской национальности подобные изменения после приема алкоголя выражены в 6-10 раз реже. Нейрохимический механизм этих явлений связывают также с катехоламиновой нейромедиацией, которая стимулируется образующимся в избытке АЦА.

Разработка простых и чувствительных микрометодов, например таких, как определение ИФ АльДГ в корнях волос (в грубом лизате волосных сумок), позволила проводить широкие исследования полиморфизма АльДГ [30]. Проведенное таким методом исследование Н. W. Goedde и соавт. [28] охватило 1203 человека, среди которых были представители различных национальностей и рас Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. У обследуемых собрали по 40 волосных сумок и приготовили препараты (лизаты), которые использовали для определения ИФ. Особый практический интерес, по мнению авторов, представляет обнаруженная корреляция часто наблюдаемых у уроженцев Азии вазомоторных расстройств после приема алкоголя с отсутствием ИФ-фракции АльДГ-1. Считают, что в основе этих особенностей лежит невозможность эффективно метаболизировать АЦА, так как и отсутствие АльДГ-1, и повышение содержания АЦА установлено только у лиц, у которых после приема алкоголя отмечают реакцию быстрого покраснения лица. По мнению авторов, такая наследственная чувствительность к алкоголю может вызвать отвращение к его приему, что подтверждается и эпидемиологическими данными о более медленных темпах увеличения распространенности алкоголизма в Японии по сравнению со странами Европы и Северной Америки. По имеющимся данным, из 42% японцев с флашинг-синдромом только 2% становятся алкоголиками.

Безусловно, необходима осторожность в использовании вышеописанных данных в экспертных ситуациях, так

как межиндивидуальные различия даже внутри однородных этнических групп могут быть очень велики (до 85%) вследствие большого генетического своеобразия популяций. Различия между разными нациями в пределах одной расы и между разными расами не превышают 7,5%, хотя отдельные небольшие изолированные народности, такие, как американские индейцы, баски, эскимосы, коренное население Австралии, обычно обнаруживают по ряду признаков наиболее сильные отклонения от средних аллельных частот (Левонтин Р., 1978 г.).

Актуальность этнонаркологиюического направления подчеркивается высокими темпами роста алкоголизма и его последствий среди этнических меньшинств. Так, распространенность алкоголизма среди американских индейцев существенно выше, чем среди белых американцев. Индейцы в 2-7 раз чаще умирают от алкоголизма и связанных с ним несчастных случаев, убийств и самоубийств [32]. Безусловно, здесь надо учитывать, помимо медико-биологических аспектов, и культуральные факторы, так как в условиях разрушения традиционной и создания новой культуры наиболее подверженными алкоголизму оказываются индейцы, не нашедшие себя ни в той, ни в другой культурной среде.

Акультуризационный стресс, сопровождающийся разрушением среды обитания и деформацией личности коренных этносов, характерен и для территории Крайнего Севера России. Например, в течение десятилетий советского периода, воспитывавшиеся в интернатах дети ненцев так и не становились русскими, хотя переставали быть кочевыми ненцами. Поэтому на сегодня остро стоит проблема реабилитации и социально-экологической защиты коренных народов в условиях активного промышленного освоения территорий Севера России.

В совместных клинко-генетико-эпидемиологических исследованиях Томского Центра психического здоровья и Новосибирского института терапии СО АМН СССР в 1991 г. было показано, что у коренных жителей Чукотки, относящихся к монголоидам, вопреки ожидаемому, выявлена низкая распространенность флашинг-реакции и атипичных форм алкогольметаболизирующих ферментов. В то же время по показателям частоты и массивности алкоголизации мужчины — коренные жители Чукотки не уступали мужчинам из Новосибирска и даже превосходили их. Средняя разовая доза алкоголя, потребляемая коренными мужчинами Чукотки (166 г чистого этанола) в 2 раза превышала минимальную интоксикационную по критериям ВОЗ. Это позволило предположить, что на характер потребления алкоголя большое влияние оказывают социально-психологические факторы, такие, как, например, дезадаптация, аккультуризационный стресс [14, 19].

Действительно, существующие в настоящее время взаимоотношения «представителей современной цивилизации» и аборигенного населения не обесценивают ни развитие, ни даже сохранение культуры коренных этносов в социальном пространстве страны. Более того, многие представители аборигенных народов стоят на грани вымирания, поскольку, с одной стороны, не могут включиться в промышленное производство, а с другой — продолжить вести традиционный образ жизни из-за разрушительного воздействия на их жизнь техногенной цивилизации.

Полученное кажущееся несоответствие ожидаемым результатам может иметь еще одно объяснение, связанное с особенностью биохимической конституции коренных жителей Чукотского Севера. В работах Чернобровкиной Т.В. с соавт. [15, 16, 24, 25, 26], Никитина Ю.П. с соавт. [19] подчеркивалась роль биохимических механизмов толерантности к алкоголю в развитии алкогольиндуцированных психосоматических последствий (алкогольной

кардиопатии и энцефалопатии). Как указывается этими авторами, при потреблении алкоголя возникает превышение критических физиологических концентраций гистамина в крови и тканях, что может вызвать не только флашинг-реакцию и учащенное сердцебиение, но и более сложный комплекс реакций со стороны вегетативной нервной системы и внутренних органов — так называемый синдром гистаминовой интоксикации. Результаты сравнительных исследований особенностей алкоголизации и ее последствий у коренного и пришлого населения Чукотки позволяют предположить большую конституциональную устойчивость чукотских этносов, относящихся к монголоидам, к опосредуемой гистамином посталкогольной интоксикации (в том числе, выражающейся и в реакции покраснения лица), и одновременно с этим — меньшую устойчивость к АЦА-опосредуемым эффектам алкоголизации. Анализ биологических факторов риска и защиты в отношении алкогольной патологии у представителей коренного и пришлого населения Чукотки [24,26] показывает, что у представителей коренных этносов в крови имеют место достоверно сниженный, по сравнению с пришлым населением (европеоидами), уровень эндогенного этанола (ЭЭ) и тенденции к снижению активности АльДГ, что одновременно предрасполагает первых, с одной стороны, к повышенному потреблению алкоголя, и, с другой — к развитию тяжелых постинтоксикационных последствий: патологического опьянения, токсической энцефалопатии и поражения систем и органов по опосредованным АЦА механизмам [25, 26].

Исследования алкоголизма в циркумполярных популяциях (Таймыр, Чукотка), предпринятые сотрудниками Томского НИИ психического здоровья, выявили комплекс особенностей, предрасполагающих к заболеваемости алкоголизмом: высокая положительная ассортативность браков, нарушения кальциевого баланса в организме, нарушения питания [17]. Это диктует и многопрофильную профилактику пьянства и алкоголизма в регионах Севера.

В плане профилактической наркологии, вышеописанное ставит актуальную задачу создания модели комплексного (природного, историко-культурного, социального) образования, способного сохранить этносы и их среду обитания как уникальную общецивилизационную ценность. Данная модель представляет собой этноэкологический парк (ЭЭП), который является единственной формой социального общественного устройства жизни аборигенного населения, способной обеспечить его выживание и сохранение его культуры.

Идея образования этноэкологических парков прорабатывалась еще в 20-е годы прошлого века. Профессор Б.М. Жидков (1924 г.) предложил как вариант социальной защиты «некоторую изоляцию отдельных групп самоедского кочевого населения в ограниченных участках тундры». Подобные заповедные территории, по замыслу автора, были предназначены для смягчения отрицательного влияния на этнос негативных факторов цивилизации.

В качестве реальной модели применительно к европейскому региону современная концепция этноэкологического парка была разработана в начале 90-х годов для решения задач наркологической превентологии Севера России (П.И. Сидоров, А.Н. Давыдов, 1992 г.; А.А. Дрегалю, П.И. Сидоров, В.И. Ульяновский, 1994, 1995 гг.).

Соответственно концепции авторов предполагалось, что в отличие от глобальных, трудно реализуемых проектов, ориентированных на помощь сразу всем северянам, намного реальнее создать заповедный ЭЭП, сконцентрировав внимание на решении проблем конкретных сохранявшихся поселений. Таким образом, основополагаю-

щим должен являться индивидуальный подход к решению проблем тех или иных этносов.

В то же время необходимо подчеркнуть, что решить поставленные задачи можно только комплексно (рис. 1):

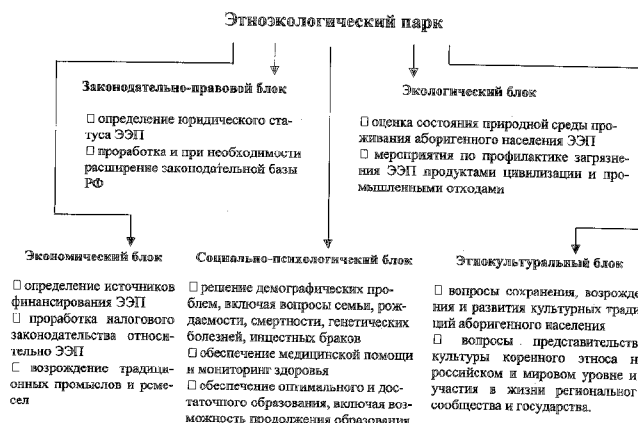

Рис. 1. Концептуальная модель этноэкологического парка

- обеспечив государственное (в том числе законодательное) обоснование проекта;
- опираясь на поддержку региональных административных структур и общественный актив;
- привлекая к участию промышленные компании, хозяйствующие на конкретных территориях;
- учитывая интересы и инициативы местного аборигенного населения.

В результате такой многоуровневой проработки проблемы может быть обоснована правовая форма ЭЭП, дающая ему возможность расценивать эту структуру в качестве не только административного образования, но и самостоятельного юридического лица, располагающего приоритетным правом на обладание историко-культурным и природным наследием на территории парка в интересах проживающего здесь этноса.

Таким образом, предполагается возможным создание условий для автономного выживания аборигенного населения на ограниченной территории путем возрождения и сохранения традиционных промыслов (оленьеводство, рыболовство), что обеспечит наиболее рациональное сосуществование этносов и промышленных компаний.

С 2002 г. программа создания ЭЭП реализуется Институтом психологии и психиатрии в моноэтническом ненецком поселке Бутрино на о. Колгуев в Ненецком автономной округе (НАО). Проведены несколько экспедиций и серия медико-социальных и этнопсихологических исследований. Идея создания парка активно поддерживается местными жителями и финансируется нефтедобывающей компанией «Арктикнефть», являющейся подразделением «ЛУКойла».

Проведенный социологический опрос 80 жителей пос. Бутрино (П.И. Сидоров, М.В. Кокорин, 2002) позволил определить актуальные проблемы, стоящие перед коренным населением (рис. 2). Самыми важными проблемами для жителей поселка в целом оказались: низкий уровень заработной платы и отсутствие в поселке 9-летней школы. Однако первая проблема более актуальна для мужчин, а вторая для женщин, половина которых считает строительство школы самым важным для поселка. Из остальных проблем наиболее важные: высокие цены в магазине (29,7%), изношенность домов (24,3%), задержки заработной платы (23,0%), безработица (20,3%), отсутствие жи-

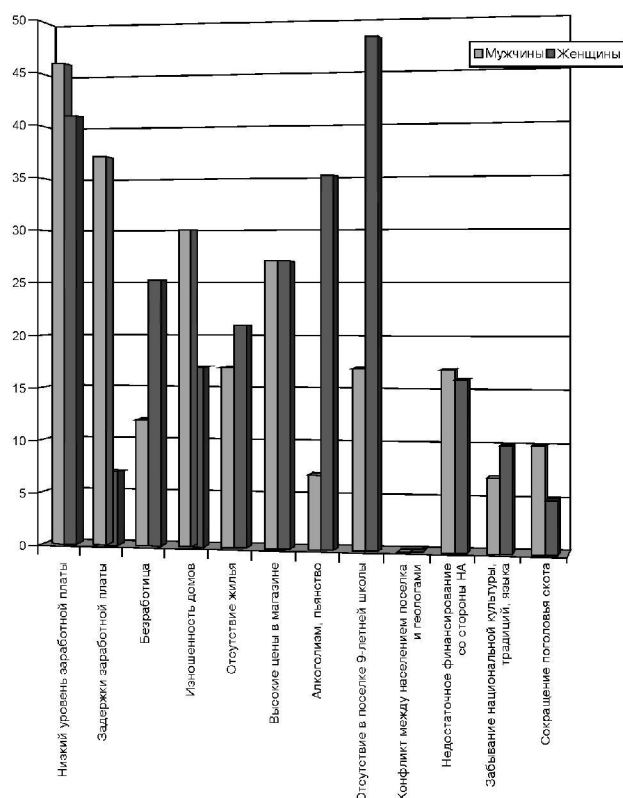

Рис. 2. Результаты социологического исследования коренных жителей поселка НАО (частота положительных ответов на вопрос "Какие проблемы в своей жизни вы считаете самыми важными?" в %)

ля (20,3%), недостаточное финансирование острова со стороны НАО (17,6%).

Оказалось, что женщин в значительно большей степени волнует проблема пьянства и алкоголизма — этой проблемой обеспокоены 36,1% респондентов и только 8,3% мужчин. Здесь уместно отметить, что во всех этнопарках Америки и Европы принят «сухой закон».

Мужчин, напротив, в большей степени, чем женщин, беспокоят задержки заработной платы (38,9%) и физическая изношенность жилищ (30,6%), недостаточное финансирование острова со стороны НАО (19,4%), проблема спекуляции (16,7%), проблема детей, которые нигде не учатся (11,1%), наличие плохих дорог в поселке и отсутствие дорог в тундре (по 8,3%), криминогенная обстановка (8,3%), недостаточное обеспечение одеждой, обувью (11,1%), сокращение поголовья оленей (11,1%), неполные семьи (5,6%), недостаточный объем медицинской помощи (5,6%).

Женщины в большей степени, чем мужчины, озабочены безработицей (27,8%) и отсутствием жилья (22,2%), отсутствием грамотного руководителя поселка (16,7%), забвением языка, традиций, национальной культуры (11,1%), отсутствием комбината бытового обслуживания и системы вывоза бытовых отходов (по 5,6%). Женщины в отличие от мужчин не видят в обстановке поселка никакой криминогенности, а также считают объем медицинской помощи абсолютно достаточным.

Обращает на себя внимание также низкий уровень претензий к геологам, что говорит о достаточно позитивном их восприятии местным населением. И мужчины, и женщины указывают на отсутствие негативного отношения к геологам, что открывает возможность позитивного сотрудничества с ними при создании ЭЭП.

Главными виновниками своих проблем (рис. 3) жители поселка считают администрацию НАО (преимущественно мужчины — 41,7%) и самих жителей поселка (так считают преимущественно женщины — 47,2%). Меньше всего претензий к ЛУКОЙлу (особенно у женщин). То, что в суммарном рейтинге виновных САМИ ЖИТЕЛИ ПОСЕЛКА занимают второе место (31,7%), указывает на довольно высокий уровень самосознания населения, что не подтверждает распространенное мнение о неспособности нэнцев к критической оценке своей жизни и принятию ответственности за нее.

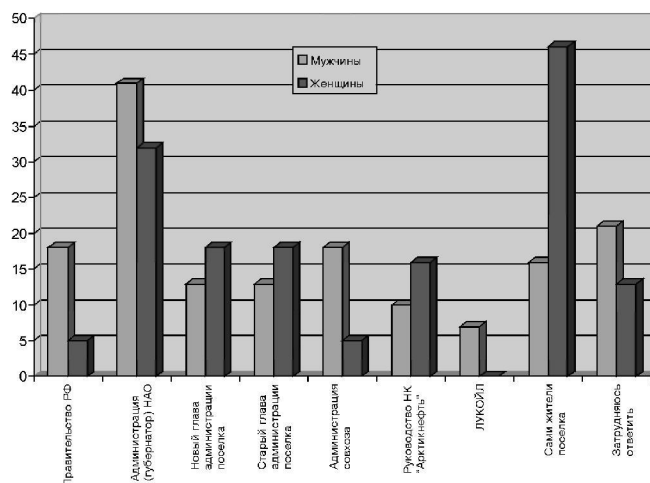

Рис. 3. Результаты социологического исследования коренных жителей поселка НАО (частота положительных ответов на вопрос "Кто виноват в Ваших проблемах?" в %)

Таким образом, на фоне самых высоких претензий к администрации НАО при создании ЭЭП можно опираться на общественную активность жителей поселка и укреплять их связи с геологами.

В решении своих проблем (рис. 4) жители Бутрино в большей степени надеются на администрацию НАО и свой поселок. Кроме того, определенная надежда возлагается на руководство «Арктикнефть», на свои собственные силы. Такие приоритеты в надеждах на помощь в решении проблем являются самыми оптимальными для проведения в жизнь идеи создания ЭЭП и выстраивания следующей схемы взаимоотношений: администрация по-

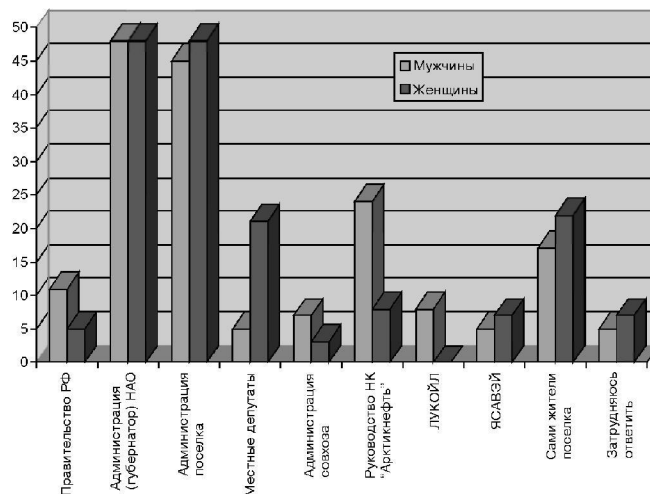

Рис. 4. Результаты социологического исследования коренных жителей поселка НАО (частота положительных ответов на вопрос "Кто, по Вашему мнению, может решить эти проблемы?" в %)

селка позиционируется как инициатор в создании ЭЭП, при этом она опирается на поддержку жителей поселка и помощь нефтяников и, проявляя инициативу снизу, добивается поддержки от администрации НАО.

Среди занятий самыми важными для выживания островитян оказались охота и оленеводство (рис. 5). Причем охота важна для подавляющего большинства мужчин (72,2%), которые также считают важной для себя рыбную ловлю (39,9%). Доминирование занятия охотой над оленеводством указывает, с одной стороны, на кризис оленеводства, а с другой на осознание для островитян важности природных богатств Колгуева. Это создает благоприятную почву для того, чтобы переключить заинтересованность жителей в охоте на их заинтересованность в охране и защите своих охотничьих угодий, то есть экологической системы острова.

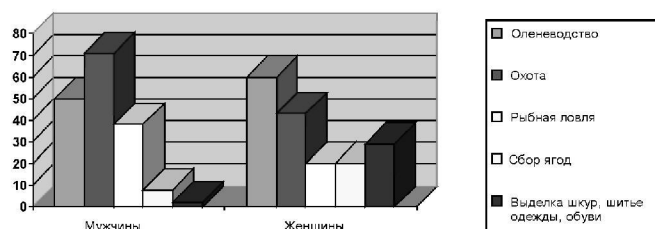

Рис. 5. Результаты социологического исследования коренных жителей поселка НАО (% утвердительных ответов на вопрос «Какие занятия Вы считаете наиболее важными для своего выживания?»)

Женщины по сравнению с мужчинами считают более важным оленеводство (61,1%), выделку шкур, шитье одежды, обуви (30,6%) и сбор ягод (22,2%). Важность именно для женщин шитья одежды, обуви, выделки шкур указывает на хороший потенциал поселка в возрождении национальных ремесел, что является реальной почвой для этнической составляющей парка.

Наиболее важными мероприятиями по возрождению национальной культуры (рис. 6) респонденты считают изучение ненецкого языка и создание школы национальных ремесел. Для женщин более важно также создание музея и фольклорного коллектива на острове, для мужчин — возрождение оленеводства.

Популярность идеи создания музея на острове (особенно среди женщин) указывает на то, что музей может быть еще одним мероприятием этнической составляющей ЭЭП. Также актуальны создание фольклорного коллектива для женщин и идея возрождения оленеводства для мужчин.

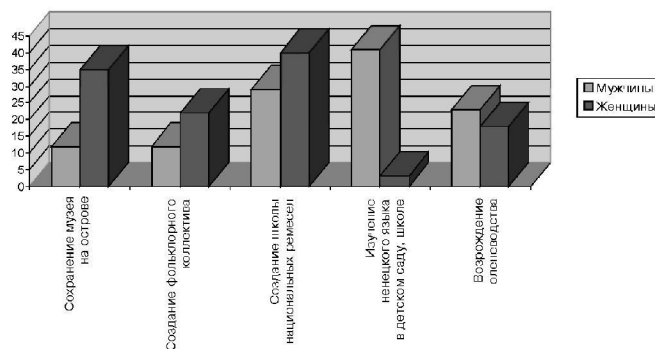

Рис. 6. Результаты социологического исследования коренных жителей поселка НАО (% утвердительных ответов на вопрос «Какие мероприятия Вы считаете наиболее важными для возрождения национальной культуры?»)

Подавляющее большинство жителей поселка говорит в своих семьях на русском языке. Интересно, что процент мужчин, говорящих в своей семье на ненецком языке, выше, чем женщин. При этом ненцами себя считают 72,2% мужчин и 83,3% женщин из опрошенных (метисами по 8,3% мужчин и женщин). Таким образом, можно сделать вывод, что мужчины в большей степени сохраняют языковые традиции, чем женщины. Они также в большей степени склонны носить национальную одежду.

Таким образом, в возрождении культурных традиций (как этнической составляющей парка) женщины могут проявлять себя в создании школы ремесел, музея, фольклорного коллектива, а мужчины — в сохранении ненецкого языка, возрождении оленеводства, ношении национальной одежды.

Принципиально важно отметить то, что, несмотря на низкий уровень жизни, почти половина жителей поселка Бутрино оптимистично относится к своему будущему (рис. 7).

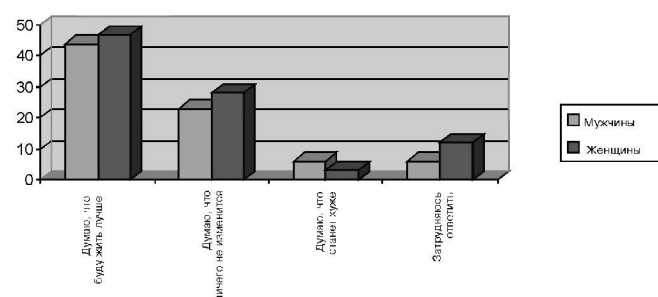

Рис. 7. Результаты социологического исследования коренных жителей поселка НАО (% утвердительных ответов на вопрос «Что Вы ожидаете от жизни в будущем?»)

Очень важно, чтобы эти оптимистические ожидания сегодня наполнялись конкретным содержанием. Идея создания программы и развития этноэкологических территорий и парков помогут решить проблемы возрождения коренных этносов и, в частности, создадут культуральные условия для добровольного снижения и полного исключения алкоголизации.

Список литературы

- Бехтель Э.Е. Донозологические формы злоупотребления алкоголем // М.: Медицина, 1986. — 272 с.
- Богораз-Тан В.Г. Чукчи // Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1934. — 192 с.
- Боднарчук Р.В., Давыдов Р.А., Попов Г.П. Норвежский ром или русская водка? (Из исторического опыта административного регулирования продажи и потребления спиртных напитков) // Экология человека. — 1997. — №2. — С. 80-85.
- Бородатова Л.А. Прорицатели и жрецы у древних майя / Л.А. Бородатова // Сов. этнография. — 1984. — №1. — С. 72-89.
- Бородатова Л.А. Роль сканиграфии печени в диагностике хронической алкогольной интоксикации // Реабилитация нервно-псих. больных. — Томск, 1981. — С. 60-62.
- Галактионов О.К. Предикторы и патогенетические особенности алкоголизма в этнических популяциях Сибири. // Автореф. дисс. на соискание учен. степени д.биол.н. — Томск, 1996.
- Гукасян А.Г. Хронический алкоголизм и состояние внутренних органов // М.: Медицина, 1968. — С. 312.

8. Дрегалю А.А., Сидоров П.И., Ульяновский В.И. Человек в экстремальной жизненной среде: технология социальной защиты // *Экология человека*. — 1994. — №2. — С. 100. 1995
9. Жариков Н.М., Соколова Е.Д. Проблема и значение транскультуральных исследований в психиатрии // *Журн. невропатологии и психиатрии*. — 1982. — №5. — С. 55-60.
10. Ишеков Н.С. Клинико-физиологические особенности соматогенеза хронического алкоголизма на европейском Севере. // Автореф. дис. д-ра мед. наук — Архангельск, 1999
11. Кершенгольд Б.М., Алексеев В.Г. Эколого-биохимические аспекты алкоголизма. // *Эпидемиология нервных и психических заболеваний в ЯАССР*. — Якутск, 1985
12. Корнетов Н.А., Прядухин Ю.И., Мещеряков Л.В., Губерник Л.Я. Показатель полового диморфизма как возможный конституционально-морфологический предиктор тяжести алкоголизма. // *Алкоголизм и наследственность* — М., 1987 — С. 87-91.
13. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Мухомедзянов Х.М. Транскультуральная парадигма в психиатрии и этнокультуральные аспекты алкогольного поведения у сибирских татар // *Сиб. вестн. психиатрии и наркологии*. — 2000. — №1. — С. 43-48.
14. Курилович С.А. Некоторые эпидемиологические и клинико-биохимические аспекты соматической патологии, связанные с потреблением алкоголя. // Автореф. дис. д-ра мед. наук — Новосибирск, 1993
15. Лиопо А.В., Чернобровкина Т.В. Некоторые метаболические особенности коренного населения Чукотки // *Актуальные вопросы патологии внутренних органов* — Новосибирск, 1993. — С. 185-189.
16. Лиопо А.В., Чернобровкина Т.В., Аркавый И.В., Захаров Ю.О. Некоторые метаболические и физиологические особенности развития алкоголизма в условиях Крайнего Севера // *Концептуальные вопросы наркологии* — М., 1995. — С. 22-28.
17. Миневич В.Б., Галактионов О.К., Агарков А.П. Этнонаркология в контексте антропологической психологии // *Концептуальные вопросы наркологии*: Сб. науч. тр. — М., 1995. — С. 33-54.
18. Миневич В.Б., Красик Е.Д., Артемьев И.А., Редченкова Е.М. Алкоголизм в Сибири. Эпидемиологический аспект — Томск, 1990.
19. Никитин Ю.П., Курилович С.А., Авксентюк А.В. Особенности потребления алкоголя коренными мужчинами Чукотки 25-64 лет // *Социально-медицинские проблемы пьянства и алкоголизма в регионах проживания малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока*. — Архангельск, 1992. — С. 66-72
20. Семке В.Я. Реалии и перспективы транскультуральной наркологии // *Наркология*. — 2003. — №1. — С.44-48
21. Семке В.Я., Галактионов О.К. Этнонаркологические проблемы у коренных жителей Северной Азии. // *Социально-медицинские проблемы пьянства и алкоголизма в регионах проживания малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока*. — Архангельск, 1992. — С. 76-78
22. Семке В.Я., Эрдэнэбаяр Л., Бохан Н.А., Семке А.В. Транскультуральная наркология и психотерапия. — Томск, 2001. — 162 с.
23. Ульянкина Т.И. История опиумных препаратов и проблема возникновения наркомании // *Рус. мед. журнал* — 1995. — Т. 5, №14 — с. 905-910.
24. Чернобровкина Т.В. Злоупотребление алкоголем и физиолого-биохимическая адаптация человека в условиях Крайнего Севера // *Адаптация человека и животных. Тезисы докладов XI Всесоюзного симпозиума «Биологические проблемы Севера»* — Якутск, 1986 — с. 62-64.
25. Чернобровкина Т.В., Астахова Т.И. Особенности соматической патологии при алкогольной интоксикации в регионах Крайнего Севера // *Актуальные вопросы профилактики пьянства и алкоголизма в условиях Сибири и Дальнего Востока. (Материалы региональной научно-практической конференции)* — Томск, 1986 — с. 130-134.
26. Чернобровкина Т.В., Лиопо А.В., Кершенгольд Б.М., Аркавый И.В. Биохимическая конституция как основа особенностей патоморфоза алкоголизма (органопатологии при алкоголизации) в регионах Севера // *Социально-медицинские проблемы пьянства и алкоголизма в регионах проживания малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока*. — Архангельск, 1992. — С. 90-96
27. Chan A.W. Racial differences in alcohol sensitivity // *Alcohol Alcohol*. — 1986. — Vol. 21, №1. — P. 93-104.
28. Goedde H.W., Agarwal D.P., Harada S. Population genetic studies on aldehyde dehydrogenase isosyme deficiency and alcohol sensitivity // *Amer. J. Hum. Genet.* — 1983. — №35. — P.769-772.
29. Hyde C., Glancy G., Omerod P. Abuse of Indigenous Psilocybin Mushrooms: A New Fashion and Some Psychiatric Complications // *Brit. J. Psychiat.* — 1978. — Vol. 132, №6. — P. 602-604.
30. Kershengolts B., Kolosova O., Krivogornizina E., Yakovleva N., Meltzer I. Ecological and biochemical characteristics of alcohol pathologies in the north and their influence upon the total sickness rate of the population // *International Journal of Circumpolar Health*. — 2001. — №60. — P.555-563
31. Lee J.A. What can homosexual aging studies contribute to theories of aging? // *J. Homosex.* — 1987. — Vol. 13, №4. — P. 43-71.
32. May P.A. Alcohol and drug misuse prevention programs for American Indians: needs and opportunities // *J. Stud. Alcohol*. — 1986. — Vol. 47, №3. — P. 187-195.
33. May P.A., Smith M.B. Some Navajo Indian opinions about alcohol abuse and prohibition: A survey and recommendations for policy // *J. Stud. Alcohol*. — 1988. — Vol. 49, №1. — P. 324-334.
34. Reed E.T. Ethnic differences in alcohol use, abuse, and sensitivity: a review with genetic interpretation // *Social. Biol.* — 1985. — Vol. 32, №3-4. — P. 195-209.
35. Sanders B., Danko G.P., Ching B. Cardiovascular responses of oriental and caucasian man to alcohol. Some psychological correlates // *J. Stud. Alcohol*. — 1980. — Vol. 41, №5. — P. 496-508.
36. Stimmel B. The role of ethnography in alcoholism and substance abuse: the nature versus nurture controversy // *Adv. Alcohol Subst. Abuse*. — 1984. — Vol. 4, №1. — P. 1-8.
37. Sundaram K.R., Mohan D., Advani G.B. et al. Alcohol abuse in a rural community in India. Part I: Epidemiological study // *Drug Alcohol Dep.* — 1984. — Vol. 14, №1. — P. 27-36.
38. Vitols M.M. Culture patterns of drinking in Negro and White alcoholics // *Dis. nerv. Syst.* — 1968. — №29. — P. 391-394.
39. Welte J.W., Barnes G.M. Alcohol use among adolescent minority groups // *J. Stud. Alcohol*. — 1987. — Vol. 48, №4. — P. 329-336.
40. Westermeyer J. Clinical guidelines for the cross-cultural treatment of chemical dependency // *Amer. J. Drug Alcohol Abuse*. — 1976. — Vol. 3, №2. — P. 315-322. В статье упомянуты только фамилия и год. С этими данными есть еще 3 работы
41. Wolfe P.H. Vasomotor sensitivity to ethanol in diverse mongoloid populations // *Amer. J. Hum. Genet.* — 1973. — Vol. 25, №2. — P. 193-199.

ETHNONARCOLOGICAL PREVENTOLOGIA

SIDOROV P.V. Academician, RAMS. Dr.med.sci., professor, rector of North Medical University, Arkhangelsk

Some peculiarities of the modern of alcohol using and pathomorphosis of alcoholism are discussed with point of view sociocultural and ethnobiological somatotype specialities in different ethnic and regional people groups. Author emphasizes that the effective ethnonarcological prophylactic programmes requires the deep studies of above questions and organization of ethnoecological territories.